РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-3-155-164

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ильин В. В.¹, Шаура Е. К.²

¹ *Московский государственный технический университет имени Н Э. Баумана
(Калужский филиал)*

Россия, 248000, г. Калуга, ул. Баженова, д. 2, Российская Федерация

² *Московский государственный институт международных отношений Министерства
иностраннных дел Российской Федерации*

119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация. В основу статьи легло обоснование тезиса о том, что история и есть придание смысла бессмысленному в прогрессивном воплощении свободы в движении от природного к культурному, от натурального к гуманитарному. В результате исследования сделан вывод, что конкурентное преимущество человеческой надорганики сопоставительно с дочеловеческой органикой – созидание нематериального наследия через инновационное самоопределение, творчество. Фигура «самоопределение через свободу» влечёт мотивационное понимание человека, отменяет однолучевой, провиденциалистский взгляд на него как предмет судьбы. Судьба есть совокупность могущего состояться с человеком и только с ним. Но именно последнюю (совокупность) в приверженности к свободе мы создаём сами. На основе системного подхода удалось выявить суть человеческой свободы, заключающуюся в творческом выборе, поскольку свобода, выбор и предопределённость (судьба) исключают друг друга. Порядок свободы создаётся по капитальным целе-ценностным, смысловым индикаторам. На данном основании родовую историю правильно толковать как удаление от естественного состояния.

Ключевые слова: техноморфизм, инструментальный, гуманитарный разум

THE LAST REFUGE OF INDUSTRIAL CIVILIZATION

V. Ilyin¹, E. Shaura²

¹ *Bauman Moscow State Technical University (Kaluga Branch)
2, Bazhenov st., Kaluga, 248000, Russian Federation*

² *Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76, Vernadsky prospect, Moscow, 119454, Russian Federation*

Abstract. The article aims to ground the thesis that it is history that attaches sense to the progressive development of freedom in its movement from natural to cultural, from organic to humanitarian. It is concluded that the competitive advantage of human super organic comparable with pre-human organic matter is building the immaterial heritage through innovative self-determination and creativity. Self-determination through freedom entails a motivational awareness and denies a one-beam, providential view of a human being as an object of fate. Fate is the totality of human predestination, but freedom is our own choice. Based on systemic approach the authors revealed the essence of human freedom which consists in a creative choice, as the freedom of choice and determinism (fate) are mutually exclusive. Thus, the ancestral history should be interpreted as a deviation from the natural state.

Keywords: techno orphism, instrumental, humanitarian mind

В традиционной экзегетической аргументации Всевышний толкуется как единство намерения и исполнения с откровенным мотивом скинии: священнодейственного совпадения проекта и претворения, тождества помысленного и осуществлённого. Светские отголоски линии – доктрины:

– Платона: учение об уме-демиурге; взаимодействии сверхприродного и природного как образа и подобия; идеи и материи;

– Эриугены: учение о человекобожестве, где Бог «находит себя самого в человеке», за счёт чего человек становится творящим Богом [10, с. 87];

– Гегеля: учение о понятии-демиурге (мировой дух, объективный дух, абсолютный дух), порождающем природу – культуру.

Архетипическая платформа: *mens agitat molem*, подвергшись рациона-

лизации, в обличье техно-социоморфизма выполняет своего рода протрепетическую функцию: взыскует апологетизации технизма как философии постиндустриальной цивилизации. Бесперспективность подобной стратегии очевидна тем более на фоне исконного назначения философии (метафизики) возделывать душу (*cultura aut emanimi philosophia est*), учить жизни (*philosophia magistra vitae*), быть проводницей не инструментального, но гуманитарного разума [7].

Между тем акцент последнего порождает серьёзную проблему «свободы» – «великой тайны» (Мальбранш). Суть её в следующем.

Если Бог всемогущ, всеведущ, всеблаг (по принципу свёртывания), тогда в мире господствует роковое предопределение. В этом случае обесценивается назначение человека. Если человек в

своей деятельности не предопределён – аутентично свободен, тогда вне и помимо Бога несёт ответственность за содеянное.

Утрирующее данный факт рефлексивное сознание сталкивается здесь с пренеприятнейшим обстоятельством – необходимостью оправдания человеческой созидательной миссии (при отстранении от основного религиозного сознания «зависимости», согласно которому «вся действительность определяется и обуславливается одной жизненной причиной» (разработку какой проводит всепрощающая Теодицея) [1, с. 622–623]. Как видно, возникает потребность развёртывания Антроподицеи – доктрины благонравного родового призвания.

Как исполнять такого типа доктрину? С позиций логической техники варианты покрываются интервалом: *modus rectus* – *modus obliquus*.

Modus rectus. Перспективный, но в полной мере недоуточнённый ход, ставящий на прямое наследование. Идею запрограммированной передачи благообразного (альтруистического, амитологического, филантропического) – кооперативного поведения как некоторого генетического [11], нейробиологического [12], *a priori* проводит теория гено-культурной коэволюции.

Насколько преуспеют её сторонники в ответственном деле оформления строгой человековедческой науки, эксплицирующей глубочайшие уровни гуманитарной мотивации поступков и решений, покажут будущие (в идеале – скорейшие) прорывы во всём комплексе естественных (генетика, физиология, нейрофизиология, этология, зоопсихология, приматология, энтомология, эволюционная биология

и т. д.), гуманитарных (философская антропология, история, культурология и т. д.), смежных (биофилософия, эволюционная эпистемология, социобиология, биолингвистика, биоэтика, биоэстетика, эволюционная психология, когнитивистика и т. д.) наук, освещающих филогенетические корни человеческого (познавательного, поведенческого, морального, художественного) потенциала.

Пока же что-то сопротивляется безоговорочному принятию убеждения, будто гуманитарные (все щепетильные человекообразные) принципы суть компоненты «нашей врожденной биологической структуры» [9, с. 101], уповая на грядущее, скорее всего, способное поставить точку в решении вопроса генетических предтеч человечности (той же аретологичности), обратимся к уточнению иной версии доктринации *homo humanus*.

Modus obliquus. Эвристичный модельный гносеологический ход, радикализирующий роль неких абсолютных ценностных устоев, согласующих обстояния реально и идеально данных миров. Фикспунктом оказывается отнесение эмпирических деятельностных фигур *Lebenswelt* к сверхэмпирическим наддеятельностным фигурам *Wertswelt*. Вникнем в существо процедуры «отнесение».

Приоритет внедрения в концептуальный дискурс понятия «отнесение» принадлежит Риккерт, снимавшему принципиальное для гносеологической системы баденцев затруднение. В отличие от «точного» естествознания (ЕЗ – науки о природе), пользующегося номотетическим методом установления законов, «неточное» гуманитарное знание (ГЗ – науки о

культуре, в терминологии Риккерта; науки об истории, в терминологии Виндельбанда) использует идиографический метод фактофиксации, занимается регистрированием дискретных, диффузных перипетий персонального опыта.

В таком толковании ГЗ не способно исполнить свой эпистемологический долг – быть полноценным познавательным орудием выявления существенного, всеобщего, необходимого.

Для ликвидации несообразия – восстановления адекватного реноме ГЗ (теории истории, теории культуры) наряду с гарантиями его специфичности – предлагался оригинальный приём *Wertbeziehung* (отнесение к ценности), обеспечивающий:

- эссенциальность познания: выделение в фактофиксаторстве сущностного;

- гносеологическое видоопределение гуманитаристики: номологичность ЕЗ конституирована присутствием в генерализациях вещественных универсалий; номологичность ГЗ конституирована отнесением индивидуализаций к ценностным универсалиям [3].

Онтологический статус ценностей как базового элемента сущего Риккертом не обсуждается, если не считать скупого указания на автономность ценностного мира, располагающегося по ту (!) сторону субъективного и объективного [8, с. 33].

Подчеркнём насущную потребность разрабатывающего тему «гносеологическое видоопределение знания» методолога включать в рассмотрение некие уместные детализации. С данных позиций обогащение гносеологии фигурой *Wertbeziehung* оправдано: создавая

плацдарм консолидации разрозненных фактофиксаций; регуляризации наблюдений (придание фактам законности); субстантивации координационных цепей, логических сетей, – она проводит предметное, смысловое означивание, выполняет идентифицирующую интерпретативную функцию (по пути уточнения теоретико-интерпретативного момента деятельности гуманитария, применяющего «отнесение», идёт далее Вебер, который расценивал *Wertbeziehung* как указание на существенную значимость, тем самым добиваясь универсализации смысловых значений, изучаемых ГЗ человекоёмких явлений) [4].

Но вслед за этим (буквально вынужденно) подчеркнём и кричащую искусственность (вычурность) предложенной Риккертом-Виндельбандом-Вебером гносеологической схемы.

Во-первых, отнесение к ценностям не видоопределяет способ постижения предметности в ГЗ. Соответствующее «отнесение» легко обнаруживается в ЕЗ, ОЗ (обществознание) на следующих уровнях:

- уровень субстанциальности: презумпции – «элементаризм», «натурализм», «атомизм», «эволюционизм» и т. д.;

- уровень концептуальности: презумпции – «объективизм», «пробабизм», «фаллибизм», «детерминизм» и т. д., предобуславливающие темпоральный и эпохальный ритмы ценностно-ориентированного научного поиска, его встроенность в парадигму науки [5].

Во-вторых, не удовлетворяет мотив трансцендентности царства ценностей – «по ту сторону» субъективного и объективного. Если так, ценности никак не сопряжены с пространством

реальной деятельности; пропасть сущего – должного, конститутивного – регулятивного не преодолима; «отнесение» к ценностям обесмыслено.

В-третьих, крайне странно изъятие из «отнесения» акта «оценивания» – отнесение к ценностям волей-неволей предполагает квалифицирующее «внешение оценок» (введённый Вебером принцип свободы от оценок в ГЗ) [14].

Наша версия роли ценностного мира – *Wertswelt* (предельных жизненных значимостей) – в теории и практике *homo humanus* существенно иная [5]. С учётом ранее высказанных соображений дело выглядит так.

1. Субъективное деятельностное самооправдание в локальной ситуации осуществляется по калькуляции целей – учёт ресурсной, энергетической, инструментальной, личностной и т. д. экипировки проекта (целеобуславливание) – с использованием «отрезвляющих» представлений допустимости-недопустимости (расчисляемых) рисков.

Преодоление сущего посредством устремления на насущное (локально) идёт по отработанному маршруту налаживания рационального социального действия. Где «налаживание» крепится на экспертных оценочных актах, выносящих вердикт о реалистичности (минимум потерь, максимум достижений) материализации (объективации) (условно) катектических и символических запросов.

Сверхцель всех оправдывающих (аналитико-прогностических) мероприятий – достижение баланса (адаптации) деятельности (её практического, духовного, духовно-практического инструментария) со средой. С утированием партикулярного смыслового

целеоснащения субъективной активности.

2. Устанавливаемый в (1) рациональный инструментально-технологический (локальный) смысл деятельности соотносится с общегуманитарным (тотальным) её смыслом. Некомпенсируемое заблуждение Риккерта-Виндельбанда-Вебера – трактовка ценности как сугубо абстрактной сущности, получаемой в чистом конструировании. Ценность идеальна, но имеет реальный практико-деятельностный генезис. Технически как любая работающая абстракция (идеализация) она получается плодотворной мыслительной кумуляцией, концентрацией опытно выявляемого значимого признакового содержания [2].

Человеческая активность (в стандарте) управляется целями, отображающими интенции на потребное. Качество целей с точки зрения воплощения человечности может быть крайне размытым – вариативным. Виды последовательностей деятельностных актов (довольно-таки случайных величин), определяемые целевыми (интенциональными) параметрами, однако подпадают под упорядочение с выделением минимальных (количественно – наименьших, качественно – наихудших) и максимальных (количественно – наибольших, качественно – наилучших) элементов (признаков).

Понятие последних генерализируется понятием ценностей, передающих обобщённые предельные содержательные характеристики возможных целей (в диадическом диапазоне: благо – антиблаго).

При формальном подходе ценности суть пограничные параметры, вводимые понятием общих зависимостей,

проявляющихся в большом числе случаев (испытаний). При содержательном подходе ценности суть типовые ориентации человеческих действий в ситуациях, разрешающихся в оптимальном выборе. В первом случае роль ценностей аналогична факторам, описываемым предельными теоремами теории вероятностей (теоремы Бернулли, Лапласа о разделении отклонений частоты возникновения событий при независимых испытаниях от их вероятности; теорема Ляпунова о достаточных условиях для сходимости распределения сумм независимых случайных величин к нормальному распределению и др.), законом больших чисел (консолидированное действие случайностей в некоторых условиях влечёт результат, от них независимый). Во втором случае роль ценностей аналогична эффективным (достижительным) экстраполяциям, являющимся интегральным резюме продуктивно организованного опыта, фундируемого предсказуемыми ролевыми ожиданиями.

Два в одном даёт формально-содержательное толкование ценностей под фирмой нормативно-регулятивного комплекса, предписывающего, «как» и «для чего» действовать.

Гносеологическая значимость ценностей как наполнений *Wertswelt* – исковая (относительно любой локальной ситуации – предпосылочная) ориентация на максимально совершенные гуманитарные инициативы, типовые выверенные программы активности, увязывающие индивидуальное и надиндивидуальное; персональное и имперсональное; эмпирическое и трансэмпирическое; личностное и родовое.

Обращаясь к языку теории вероятностей, адресация к ценностным

универсалиям (праксиологически координирующим действия с фундаментальными социальными константами – ФСК [6]) позволяет, избегая действий путём проб и ошибок, случайных блужданий в духе испытаний Бернулли, достигать гарантийных, защищённых от неожиданностей результатов («удач») по усиленному закону больших чисел. А именно: ценность ценностей – в практических гарантиях, предопределяющих понимание: обеспеченная коренным согласованием с ценностями деятельность однозначно (с вероятностью 1) успешна, гуманитарна.

3. В силу эмпирико-практического генезиса ценности не априорны (они предпосылочны), но, невзирая на эмпирико-практический генезис ценности, абсолютны. Сильнейшая атрибуция «абсолютность» требует комментариев. Выделим важные нам семантические аспекты.

а) Безусловность. В качестве нормативно-регулятивных положений (тезисов) ценности несомненны, безоговорочны, обязывающи. Ценностно-ориентированное действие локально способно выказывать нецелесообразность (быть индивидуально затратным, нерасчётливым), но тотально в координации со столпами человечности (достоинство, благочестие, справедливость и т. д.), всеохватно демонстрировать гуманитарность.

Коллизия локальное–тотальное, сущее–должное для индивида (в плоскости «социология действительности» [13] – модальность *de re*) снимается частичным (подчас мучительным) выбором; для рода (в плоскости «социология логоса» – модальность *de dicto*) – нормализующими норматив-

ными алгоритмами (программы вершения истории, пролонгации существования) точно характеризующих типов активности с креном в гуманитарную оправданность.

в) Совершенство, полнота. Как всякое руководящее начало (норма, образец) ценность задается семантическим контуром с системой стандартизирующих диспозиций на значимость, важность. Оперативное управление в паре «ценность–действие» осуществляется влиянием, мотивным отображением (ф) собственного содержания на поведение.

Операция (ф) уточняется как настраивание – приведение деятеля в состояние возбуждения, подъёма от приобщения к благообразному. Ценность как норма индуцирует на поведенческое многообразие метрику; пространство актов становится нормированным, обретает размерность в более или менее точном смысле типичного тяготения актанта к предзадаваемым исходам.

с) Терминальность. Ценность – категория пограничная, предельная. И в смысле полного накопления, и в смысле неограниченного приближения к фиксированному значению. Момент исчерпания, финализации, – гносеологический остов, нерв ценностной формации.

Человек наделяется свободой. Но и ответственностью. В архаичной деонтологии отношение двух экзистенциальных столпов тематизировалось допущением Всевышнего, адресация к коему являлась сдерживающим фактором персонального воления. «Нет на земле проступка без отмщения» – в створе такой презумпции (при вмешательстве высшей инстанции) осуществлялось обуздание произвола.

Современный деонтологический взгляд рвёт с пещерным прошлым; со-

гласование свободы и ответственности в наличной аксиологии производится утритированием добровольного решения: предобусловливающей свободу выбора автономной рефлексии, сцепляющей цели действия со средствами их достижения и результатами достигнутого. На данном основании добрые поступки вменяются людям в заслугу, дурные – вменяются им в вину.

Актант остаётся один на один не с Всевышним, но с двумя другими цивилизными, не менее мощными силами, определяющими судьбу.

*Две силы есть – две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, –
Одна есть Смерть, другая – Суд
людской
(Тютчев)*

d) Самодостаточность. Ценности обоснуются совокупным родовым опытом и более ничем. Следование им как сложившимся императивам деятельности влечет заведомо (патентованно) совершенные (желаемые) исходы. Идея самодостаточности ценностной формации обладает солидной познавательной эвристичностью. В проблемных контекстах процедура «разрешения», отыскания перспективного выбора (через неоднозначный выбор) выглядит нетривиальной.

В таких казусах обращаются к надстраивающимся над системами ценностей оценкам, что позволяет, поддерживая информационную ёмкость суждений без перебора частей, квалифицировать целое, апеллируя к некоторым инвариантным значениям.

В итоге оценочными актами очерчивается жизненно важное поле действо-

вания. Отсев возможностей в скольжении по диадическим интервалам «приобретение – лишение», «удовольствие – воздаяние» и т. д. уподобляется действованию в рамках дискриминантного анализа, дающего способы сортировки параметров по причастности ценностным разрядам. Объект в оценочной сетке координат выступает олицетворением ценности, по которой (в установлении меры) удостоверяется его жизненная правомерность, благосостоятельность (скажем: жизнь (высшая ценность) – трансплантация (ЕТ – обеспечение жизни) – торговля жизненными органами (деформация, девальвация ценностей жизни в инструменталистской парадигме «в случае чего – вырезать гуманитарные фантазии» с превращением человека в товар)).

Творение в природе описывается языком «целесообразности». Творение в истории (культуре) описывается языком гуманитарной оправданности. Отнесение к ценности в ЕЗ располагается в границах «установления факта» [8, с. 54] отнесение к ценности в ГЗ (аксиологии, деонтологии, антропологии) располагается в границах «установления смыслозначимости».

Архитектура бытия высшей сферы мироздания должна отвечать высоким требованиям существа идеальнейшего (символического) (ср.: *Homo ens Realissimum*), развивающегося по высоким законам великой исторической драмы созидания человека размерной реальности.

Риккерт озабочивался идеей смычки ценностей с целями по интенции на благое (совершенное). С различием:

(1) совершенной частичности – настоящее, отнесение к которому кон-

ституирует локальную рациональность действия;

(2) бесконечной целостности – будущее, отнесение к которому конституирует перспективную локальную рациональность действия;

(3) совершенной целостности – вечное, отнесение к которому конституирует тотальную рациональность деятельности.

В (1) репрезентативной субъектной инстанцией выступает лицо; во (2) – группа; в (3) – род. Причиной вещей в (1–2) оказывается ситуативная цель, относимая к частичной субъективности с локальной ценностной экипировкой, ограниченным объемом – действие. Причиной вещей в (3) оказывается надситуативная цель, относимая к универсальной субъективности с тотальной ценностной экипировкой с неограниченным объемом – деятельность. В (3) фигурирует абсолютный – бессрочный масштаб, превращающий партикулярный акт в генеральную акцию.

Проекция данных эвристичных различий на типологию единиц человеческой самореализации влечет картину:

а) аффективного действия – инстинктивное, импульсное состояние субъектности, релевантное *homo sensitive*, *homo sentimental*, *homo hystericus*;

б) традиционного действия – до-рефлексивное состояние себе не принадлежащей субъектности, релевантное *homo primigenius*, *homo sapiens ferus*, *homo soveticus*;

с) целерационального действия – эгоистическое расчетливо-расчетное состояние субъектности, релевантное *homo economicus*, *homo consumens*, *homo iurus*;

д) ценностнорационального действия – ангажированное (не вполне рациональное – Вебер прямо утверждал: нерациональное) состояние причастной к сверхсубъектной родовой организации субъектности, релевантное *homo humanus*, *homo aestimator*, *homo universalis*.

(а – с) аттестуют прагматичные целеориентированные ареалы человечности; (d) – сверхпрагматичный

ценностноориентированный ареал. Тематизация (а – с) идёт в языке «рациональность как реальная целесообразность»; (d) – в языке «рациональность как идеальная благообразность» (хороши и фигуры благодать, заветность, святость).

Статья поступила
в редакцию 01.07.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виндельбанд В. Избранное. М.: Юрист, 1995. 687 с.
2. Ильин В. В. История и философия науки. М.: Проспект, 2019. 336 с.
3. Ильин В. В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. М.: Проспект, 2017. 184 с.
4. Ильин В. В. Теория познания. Гносеология. М.: Проспект, 2018. 496 с.
5. Ильин В. В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis*. М.: Проспект, 2015. 272 с.
6. Ильин В. В. Философия истории. М.: Издательство Московского университета, 2003. 380 с.
7. Ильин В. В. Философия гуманитарного знания. М.: Проспект, 2019. 273 с.
8. Риккерт Г. О понятии философии // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. 1910. Кн. 1. С. 19–61.
9. Рьюз М., Уилсон Э. Дарвинизм и этика. // Вопросы философии. 1987. № 1. С. 94–108.
10. Штекль А. История средневековой философии. М., 1912. 307 с.
11. Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. 288 с.
12. Crippen T. Toward a New – Darwinian Sociology: Its Nomological Principles and Some Illustrative Applications // Sociological Perspectives. 1994. Vol. 37. № 3. P. 309–335.
13. Freyer H. Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft: Logische Grundlegung des Systems der Soziologie. Leipzig: B.G. Teubner, 1930. 310 p.
14. Weber M. Der sinn der «Wertfreiheit» der soziologischen und ökonomischen Wissenschaften // Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951. P. 475–526.

REFERENCES

1. Windelband V. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Yurist Publ., 1995. 687 p.
2. Ilyin V. V. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and Philosophy of Science]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 336 p.
3. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Germenevticheskaya metodologiya. Arkhitektura ponimaniya* [The Theory of Knowledge. Hermeneutic Methodology. The Architecture of Understanding]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 184 p.
4. Ilin V. V. *Teoriya poznaniya. Gnoseologiya* [The theory of knowledge. Epistemology]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 496 p.
5. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolyutov. V poiskakh causa finalis* [The Theory of Knowledge. Philosophy as a Justification of Absolutes. In search of *causa finalis*]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 272 p.
6. Ilyin V. V. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. Moscow, Moscow University Press Publ., 2003. 380 p.

7. Ilyin V. V. *Filosofiya gumanitarnogo znaniya* [The Philosophy of the Humanities]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 273 p.
8. Rickert H. [On the Concept of Philosophy] *Logos. International Yearbook on Philosophy of Culture*, 1910, iss. 1, pp. 19–61
9. Ruse M., Wilson E. [Darwinism and Ethics.]. In: *Voprosy filosofii* [The Problems of Philosophy], 1987, no. 1, pp. 94–108.
10. Shtekl A. *Istoriya srednevekovoi filosofii* [The History of Medieval Philosophy]. Moscow, 1912. 307 p.
11. Efroimson V. P. *Genetika etiki i estetiki* [Genetics of Ethics and Aesthetics]. St. Petersburg, Talisman Publ., 1995. 288 p.
12. Crippen T. Toward a New – Darwinian Sociology: Its Nomological Principles and Some Illustrative Applications. In: *Sociological Perspectives*, 1994, vol. 37, № 3, pp. 309–335.
13. Freyer H. *Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft: Logische Grundlegung des Systems der Soziologie*. Leipzig: B.G. Teubner, 1930. 310 p.
14. Weber M. Der Sinn der «Wertfreiheit» der soziologischen und ökonomischen Wissenschaften. In: *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1951, pp. 475–526.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общественных наук Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (Калужский филиал);
e-mail: vvilin@yandex.ru

Шаура Елена Константиновна – кандидат философских наук, доцент, докторант Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации;
E-mail: elenashaura@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor V. Ilyin – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Social Sciences, Bauman Moscow State Technical University (Kaluga Branch);
e-mail: vvilin@yandex.ru

Elena K. Shaura – PhD in Philosophy, associate professor, degree-seeking candidate, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation;
e-mail: elenashaura@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Ильин В. В., Шаура Е. К. Последнее прибежище техногенной цивилизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 3. С. 155–164.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-3-155-164

FOR CITATION

Ilyin V. V., Shaura E. K. The Last Refuge of Industrial Civilization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 3, pp. 155–164.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-3-155-164